

І. НОЧНОЙ РЕПОРТАЖ

Странное приглашение! Я еще раз перечитал телефонограмму, присланную из редакции: «Академик Константин Иванович Скрябин может принять Вас в 11. 30». Академик Скрябин! Я давно искал возможности познакомиться с человеком, который приобрел в народе столь необычную популярность. Все знают этого единственного в стране члена трех академий: медицинской, сельскохозяйственной и Академии наук СССР, многие слышали о его всемирной славе, о присвоенных ему наградах и званиях. Но почти никто не имеет представления о сути занятий Скрябина. О его науке ходят анекдотические слухи, видимо скрывающие за собой всеобщую непосвященность. Наконец-то я смогу увидеть ученого и познакомиться с делом его жизни: редакция поручила мне взять у академика интервью. Но почему он приглашает меня к себе чуть ли не в полночь?

Медленно поднимаюсь по малолюдной в этот час улице Горького. Недавно прошел короткий весенний дождь, и асфальт отражает огни редких автомобилей, холодный отсвет пустующих магазинов. Москва засыпает. Останавливаюсь возле солидного здания,

отделанного по цоколю красным гранитом. Ученый живет здесь. До назначенного мне срока остается еще пять минут. А вдруг все-таки вышла ошибка, и в телефонограмме речь идет об 11. 30 утра? Не без волнения поднимаюсь на четвертый этаж и нажимаю кнопку звонка. Было бы очень неудобно разбудить почтенного академика...

Открыл сам Скрябин. Я сразу узнал его. В последние годы в журналах и газетах не раз появлялись портреты этого высокого, сутулящегося профессора с длинными, отброшенными назад седыми волосами. Бородка и свисающие пышные усы делают его похожим на ученых конца XIX столетия. Изящная, несколько старомодная манера пожимать руку и забота, с которой хозяин помог гостю устроить на вешалке плащ, снова напоминают, что передо мной человек, встретивший нынешнее столетие уже 22-летним юношей. Восемьдесят четыре года... В таком возрасте поздние встречи едва ли уместны. Но нет, Константина Ивановича не удивляет мой визит. Академик улыбается и как будто даже виновато разводит руками:

— Что поделаешь, приходится беспокоить людей. Дня не хватает. Беспечное отношение к времени — удел молодых, старикам надо торопиться.

— Нетерпеливый экспериментатор Пастер называл ночи «часами ожидания».

— Видимо, он говорил так в молодости, — отвечает академик. — У меня нет права даже на такое ожидание.

У Скрябина лицо старого русского интеллигента, но в облике нет ничего стариковского. Мысль живая, порой лукавая непрерывно играет в прищуренных

глазах, в движении тонких пальцев. Хотя в обращении он прост и мил, неоспоримое умственное превосходство хозяина дома начинаешь ощущать с первой же минуты знакомства.

Оказывается, я не единственный гость. Скрыбин просит подождать несколько минут: он заканчивает беседу с аспирантом. В кабинете сидит молодой ученый. На столе, на креслах и стульях разложены листы толстой рукописи, очевидно диссертации. Должно быть, разговор продолжается уже давно. Впрочем, меня привлекло не содержание, а скорее тон беседы. Маститый академик разговаривал со вчерашним студентом, как с товарищем. С явным интересом он выслушивал доводы собеседника, размышлял вслух над результатами опытов и целиком был в том мире, где, как он сам мне потом говорил, «и академики и аспиранты равны, ибо абсолютно все равно, кто установит научную истину — человек с дипломами или без оных». Юноша собрался уходить, и Скрыбин провожает его до двери. Я слышу, как Константин Иванович настоятельно просит аспиранта:

— Проработайте рекомендуемую литературу и зайдите ко мне недельки через две, в это же время. Да, да, не раньше десяти. Лучше даже в начале одиннадцатого. Время? Ну, конечно, всегда найдется.

Ищу в обстановке кабинета чего-нибудь такого, что раскрывало бы научные интересы академика. Но, кроме громоздящихся повсюду книжных и журнальных гор, ничто не говорит мне о пристрастиях хозяина дома. Зато на стенах немало знаков внимания к нему отечественных и зарубежных коллег. Азербайджанский ковер с вытканым портретом Скрыбина, видимо, дареные китайские картины на

шелке, фотографии, изображающие Скрябина то в Академии наук в Польше, то на улицах Софии. Нет сомнения, современники высоко ценят его. Но за какие заслуги? Стрелки часов уже довольно близко сошлись близ цифры «12», когда начался долгожданный разговор о главном. Первая же фраза приковала мое внимание.

— Чтобы постигнуть содержание и назначение нашей науки, вам следует уяснить весьма простую истину, которую, однако, половина человечества не знает, а другая упорно игнорирует. Дело в том, что мы, обитатели планеты Земля, живем в эпоху расцвета не только вида *Homo sapiens* — человека мыслящего, но и в эпоху блистательного развития паразитических червей. Они повсюду: в теле человека, сельскохозяйственных и диких животных, птицах, морских и речных рыбах, моллюсках, в почве, в воде и даже в растениях.

Двадцать четыре века назад отец медицины Гиппократ дал им название, не изменившееся доныне, — гельминты. Но общее имя это свидетельствует только о том, что все они паразиты. А внутри этой категории — несчетное число видов, родов, семейств, ибо гельминты дьявольски разнообразны. Их значительно больше, чем всех обитающих на земле видов птиц, рыб, животных. Кстати сказать, эти твари стары, как мир. Они древнее большинства тех, в чьем теле обитают и чьими соками питаются. И если верить латинской поговорке о том, что мудрость — подарок старости, то можно понять, почему гельминты так хорошо устроились в глубине тел своих хозяев: в их распоряжении было достаточно тысячелетий, чтобы приспособиться.

В теле человека насчитывают полторы сотни гельминтов. Ветеринары находят более тысячи паразитических червей в кишечнике, легких, в глазах, в мышцах и даже в мозге домашних животных. Еще больше паразитов в почве, откуда они обрушиваются на корни, листья и плоды растений. Короче, мы живем в очервленном мире, где паразиты систематически подтачивают здоровье людей, снижают продуктивность животноводства, урожаи сельскохозяйственных культур. Густая гельминтологическая паутина оплела все живое. Едва ли мыслимо подсчитать, сколько бед и потерь несет человечество, опутанное незримой сетью. Прорвать эту паутину, освободить мир от власти гельминтов — вот цель молодой, и в то же время древней, науки гельминтологии. Древней — потому что о червях-паразитах люди знали еще две с половиной тысячи лет назад; молодой — потому что прошло всего лишь столетия с тех пор, как советские ученые соединили в одну науку исследование биологии паразита, его влияния на хозяина, начали изучать биохимию, физиологию, географию гельминтов и, наконец, разрабатывать меры борьбы с ними.

Константин Иванович откинулся в кресле и умолк, давая собеседнику время поразмыслить над сказанным. И, действительно, было о чем задуматься.

Это звучало кошмаром: миллиарды ползучих паразитов, оккупирующих, завоевывающих все живое на земле... Но почему люди так мало знают об этой опасности? Ученый грустно качает головой. Уже пятьдесят лет он бьет в колокол тревоги. На родине, грех жаловаться, его слышали довольно скоро; больше того, гельминтология может считать себя

даже детищем социалистического государства. Наша страна создала научно-исследовательский институт гельминтологии, который долгое время оставался единственным в мире. У нас есть вузы, выпускающие специалистов по изучению и борьбе с паразитическими червями. Проводятся общегосударственные медицинские, ветеринарные противогельминтные мероприятия. Но все это — усилия государства. Общество же в целом по-прежнему слишком мало интересуется этой важнейшей проблемой.

— А как обстоит дело на Западе?

— Боюсь, что значительно хуже, чем у нас. В научных лабораториях стран Европы и Америки, конечно, исследуют и биохимию и физиологию гельминтов, но за рубежом плохо знают географию распространения паразитических червей. А главное, там не может быть и речи о тех массовых общегосударственных мерах борьбы с паразитами, которыми пользуемся мы в Советском Союзе. Казалось бы, сугубо социальное обстоятельство — буржуазный строй — превращается для народов в бедствие и в плане медицинском. Черви-паразиты, с которыми никто не борется, заражают в некоторых странах почти целиком все население.

Несколько минут мы молчим. Забыв об обязанностях интервьюера, я думаю о той чудовищной опасности, которая нас окружает. Сознаюсь, холодок ужаса и омерзения пробежал у меня по спине. А что же должен чувствовать создатель науки о гельминтах, человек, взваливший на себя бремя ответственности за весь этот опасный внутренний фронт, где враг никогда не дремлет?

— Будьте откровенны, Константин Иванович,

скажите правду, неужели вас не пугает тот мир, который вы так живописно сейчас раскрыли передо мной? Верите ли вы сами в то, что действительно сможете справиться с этой гнусной ползучей армией?

По строгим правилам журналистики, я не должен был задавать вопрос в такой слишком личной форме. Ученый может не пожелать, чтобы посторонний заглядывал в интимные уголки его души. В конце концов, боится он или не боится, верит или не верит в торжество науки — это его сугубо личное дело. Пристально гляжу в лицо Скрябина. Нет, он не хмурится. Наоборот, и без того живой собеседник, Константин Иванович весь вострепел от этой мысли. Вот он встал, заложил руки за спину и, как мне показалось, мечтательно посмотрел куда-то вверх, вдаль. Улыбка приподняла седые усы. Чувствовалось: сейчас в мозгу ученого идет поиск каких-то точных, очень важных слов. Так оно и было.

— Вы затронули вопрос о моем научном и жизненном кредо. И я буду абсолютно откровенным, — начал академик. — Вся жизнь меня окрыляло то, что человеческий гений сумеет в конце концов преодолеть «очервление» мира, несмотря на массовость этого процесса, несмотря на многовековую давность паразитизма. С этим убеждением я вошел в гельминтологическую науку пятьдесят лет назад. Теперь, когда вокруг меня — большая школа, когда я вижу гигантские возможности нашего государства, моя вера в победу над гельминтами тверда, как алмаз.

Ученый, кажется, забыл обо мне. Увлеченный своими мыслями, он почти декламирует:

— Современному поколению, конечно, не увидеть торжества моей заветной мечты. Но такое время наступит. Пусть нас, гельминтологов, считают фантазерами, — я убежден в том, что большинство паразитов будет уничтожено полностью как вид и человечество, оздоровленное, окрепшее, вступит в новую биологическую — безгельминтную — фазу своего развития. Больше того, я знаю, что именно Советский Союз — родина гельминтологии — хронологически станет первой страной в мире, где враг будет истреблен. Эта вера помогала мне преодолевать трудности, стоящие на пути каждого работающего человека. В прошлом она поддерживала мою энергию, сейчас возбуждает то оптимистическое мировоззрение, без которого немыслимо творчество работника науки.

Мы долго еще говорим о том, какими средствами ученый мыслит выиграть войну с паразитическими червями, войну, которую животный мир планеты уже однажды проиграл. Скрыбин рассказывает об организационных формах борьбы, разработанных в Советском Союзе, о химических, физических, биологических методах уничтожения врага. Неожиданно какая-то забавная мысль заставляет старого ученого рассмеяться.

— Боюсь, что мы не учитываем моральный фактор, столь необходимый в любой войне.

— Простите, о чем это вы?..

Скрыбин уходит в соседнюю комнату и приносит банку с заспиртованными аскаридами. Он ставит банку на стол и явно заинтересованно спрашивает, знаю ли я, какое впечатление вызывает вид гельмин-

та у людей, впервые встречающих этих животных. Мы смеемся.

— Вот об этом я и подумал, — говорит Константин Иванович. — Наука и государственные организации, наступая на гельминтов, должны опереться на поддержку всего народа. А для того, чтобы активно участвовать в сражении, каждый человек должен преодолеть в себе отвращение к ним. Для пользы дела нужна ненависть, а не отвращение. Врага надо знать. И вам, литераторам, тоже.

— А как вы сами... — не очень смело пытаюсь я парировать.

Вместо ответа Константин Иванович выхватывает с полки какую-то книгу и быстро находит нужное место:

— «Естествоиспытатель, — читает он, — придерживается другого взгляда. У него натура ребенка. Ведь и ребенок схватывает каждого червяка и пытается познакомиться с ним, пока ему не внушат, что это отвратительно. Почему бы, в самом деле, нам не взяться за аскариду и так долго допрашивать ее, пока она не расскажет нам всю свою историю? Я почти уверен, что тогда ее омерзительность быстро будет забыта, и она покажется нам если не очень красивым, то все же весьма замечательным созданием природы, подобно павлину или райской птице».

Скрябин торжествующе захлопывает книгу.

— Так писал сорок лет назад знаменитый немецкий зоолог Рихард Гольдшмидт. Я посоветовал бы прочитать эту книгу каждому человеку. Гельминтологической грамотности, научных знаний о паразитах — вот чего не хватает нашим современникам, будущим бойцам противопаразитной армии.

Знаете что, — говорит он, захваченный вдруг новой мыслью, — не пишите вы обо мне. К чему это? Лучше расскажите в своем очерке о гельминтной опасности, о нашей науке, о ее успехах и задачах. Вот вам литература... (на столе сразу выросла стопа книг и журналов). Если чего не поймете — приходите запросто, в любой вечер...

Я покидаю гостеприимный дом на улице Горького, когда в открытое окно с Красной площади доносится бой курантов: час ночи. И почти одновременно в прихожей раздается звонок. На пороге с тяжелым портфелем в руке — ближайшая ученица Скрябина, профессор Надежда Павловна Шихобалова. Ее появление никого не удивляет. Это обычное время, когда, завершив день в лабораториях и институтах, оба они собираются на часок-другой поработать над совместной монографией.

Снова улица Горького. Теперь уже совсем безлюдная. Я иду, нагруженный книгами. Как кадры киноленты, передо мной проходят эпизоды только что состоявшегося интервью. Хочется сохранить в памяти каждую интонацию, каждую деталь в облике замечательного ученого. И вдруг, перебивая свежее впечатление, откуда-то совсем издалека наплывает другое воспоминание: поэт Эдуард Багрицкий; его любимое выражение: «настоящему поэту для успеха его творчества необходимы три С —

Смысл,
Страсть,
Стиль».

Почему только поэту? А подлинный ученый разве мыслим без больших идей, подлинной страсти и стиля? Своего собственного стиля в науке?